

© 2014 г.

О.В. ВОЛОСЮК

ИСПАНИЯ И ЯПОНИЯ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ В XVI веке

Падение Константинополя в 1453 г., завоевания турок в Передней Азии и на Балканском полуострове, прекращение караванной торговли Европы с Китаем через Среднюю Азию и Монголию в результате распада монгольской державы закрыли для европейцев торговый путь на Восток через Малую Азию и Сирию. Ганза монополизировала торговлю в Северо-Западной Европе, Венеция царила в Средиземном море.

Поиски морского пути в Азию через Атлантический океан первыми предприняли Португалия и Испания. Еще в 1415 г. захватив марокканский порт Сеута, португальцы двинулись на юг вдоль западного побережья Африки. В 1487 г. Бартоломеу Диаш достиг мыса Доброй Надежды, обогнул его и вышел в Индийский океан. Через пять лет Христофор Колумб, пытавшийся найти кратчайший путь из Европы в Азию через Атлантику, открыл неизвестный ранее континент – Америку. Поскольку Колумб был абсолютно уверен, что достиг берегов Индии, португальцы по праву Алькасовасского договора 1479 г. начали готовить военную экспедицию для захвата открытых Колумбом земель. Спор между Испанией и Португалией был разрешен специальной папской буллой, на основании которой в 1494 г. между ними был подписан Тордесильясский договор, установивший разграничительную линию, протянувшуюся в 370 лигах¹ (около 2 тыс. км) западнее о-вов Зеленого Мыса и разделившую их колониальные владения в Атлантике².

За 30 лет после открытия Колумбом Америки испанцы захватили почти все восточное побережье Америки и вышли на западное, пересекли Тихий океан. Но результаты экспедиции Магеллана, открывшей новый морской путь из Европы в Азию, вновь привели к обострению противоречий между двумя державами. По Сарагосскому договору 1529 г. Испания отказалась от Молуккских о-вов, сохранив права лишь на Филиппины. Вся материковая часть Азии, и Японские о-ва в том числе, оказались в сфере влияния Португалии³.

Упоминание о неизвестной европейцам стране Зипангу (встречаются также названия Дзипангу или Чипангу) впервые появилось в записках Марко Поло. Он сообщал о ней совершенно фантастические сведения. В библиотеке Колумба в Севилье сохранился экземпляр книги Марко Поло с пометками Колумба, в частности, в тех местах, где говорилось о золотых дворцах Зипангу⁴. На картах, которые перед плаванием изучал

Волосюк Ольга Виленовна – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

¹ Лига – мера длины, имевшая разное значение в странах Западной Европы. Испанская лига равна 5572 м 77 см.

² Об условиях этого договора подробнее см. *Rumeau de Armas A. El Tratado de Tordesillas. Madrid, 1992.*

³ Las relaciones entre Portugal y Castilla en la época de los descubrimientos y la expansión colonial. Ed. A.M. Carabias Torres. Salamanca, 1994.

⁴ Попов К.М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964, с. 89.

Магеллан, восточная часть Азии была обозначена еще очень приблизительно. Изображение Японских о-вов появилось на карте Дж. Гастальди в 1550 г., а в новом атласе А. Ортелиуса “Зрелище шара земного” (“Theatrum orbis terrarum”) 1584 г. уже имелись очертания Корейского полуострова и “островов Иапан”⁵.

23 сентября 1543 г. к небольшому о-ву Танэгасима, расположенному у южной оконечности о-ва Кюсю, тайфун прибил китайский парусник. Находившиеся на его борту трое португальцев – Антониу да Мота, Франсишку Сеймоту и Антониу Пейшоту – стали первыми европейцами, ступившими на японскую землю. С этого времени началось “открытие” европейцами Японии⁶.

В середине 1540-х годов Тихий океан пересекла экспедиция Руя Лопеса де Вильялобоса, отправленная из Новой Испании для урегулирования зон влияния двух держав в районе Тихого океана. Членом этой экспедиции был племянник знаменитого конкистадора Педро де Альварадо, королевский агент и инспектор Гарсия Эскаланте де Альварадо. Он составил первое описание Японии, базировавшееся на рассказах испанского моряка Перо Диаса, утверждавшего, что он посетил Японию в 1544 г.⁷ “Земля эта очень холодная, – рассказывал Диас, – люди, которые живут там, маленького роста, и на каждом острове есть свой повелитель... Эти люди доброжелательны, хорошо воспитаны, они белые, с бритыми головами и очень храбры... Они читают и пишут, как китайцы, а язык их звучит, как немецкий... Крестьяне носят суконную одежду... а люди знатного происхождения – шелковую, камчатную, атласную. Женщины в основном белолицые и красивые, ездят верхом, одеваются, как и испанки, в зависимости от своего положения в суконную или шелковую одежду. Дома у них из камня и глины, оштукатуренные изнутри, с черепичными крышами и высокими окнами. В их стране есть в наличии такие же продукты питания, как на материке... но они не едят говядину. Землю обрабатывают плугом с буйволами... Носят кожаную обувь, а на голове – шелковые капюшоны. На островах много рыбы. У них много серебра, которое они держат в больших слитках”⁸.

Лопес де Вильялобос умер в апреле 1546 г. на молуккском о-ве Амбон. Последнее причастие он получил от иезуита Франциска Ксавье⁹, прибывшего туда с целью обращения в христианство туземного населения¹⁰.

⁵ *Gil Fernández J. Hidalgos y samurais*. Madrid, 1991, p. 31. Современное название Японии вошло в европейские языки благодаря проживавшему на Малакке португальскому медику Томе Пирешу, который в записках 1512 – 1515 гг. обозначил ее как Jampon. Это наименование было созвучно малайскому Japun или Japang, а также китайскому Jihpenkuo. – *Boxer C.R. The Christian Century in Japan, 1549–1650*. Berkeley – Los Angeles, 1951, p. 14.

⁶ Ч. Боксер полагал, что португальцы появились на о-вах Рюкю в 1542 г. В португальских и испанских источниках того времени эти о-ва назывались Ликейскими; там располагалось государство Рюкю, находившееся в зависимости от Китая. – *Boxer C.R. Op. cit.*, p. 26.

⁷ О Перо Диасе упоминает и известный российский востоковед В.В. Бартольд. См. *Бартольд В. История изучения Востока в Европе и в России*. СПб., 1911, с. 87.

⁸ *Relación del viaje que hizo desde la Nueva España a las Islas de Poniente Ruy Gomez de Villalobos, hecha por García Descalante Alvarado (1º de Agosto de 1548)*. – *Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas en América y Oceanía sacados de los Archivos del Reino, y muy especial del de Indias, por D. Luis Torres de Mendoza*, t. 1–42. Madrid, 1864–1884; t. V, p. 202–203.

⁹ Встречаются различные написания имени этого испанского иезуита. Он наваррского происхождения, и в оригинале его имя пишется как Francisco Xavier, поэтому его надо переводить как Франсиско Ксавьер или Франсиско Шавьер, поскольку именно в XVI в. изменилось произношение букв “х” с “ш” на “кс”. При этом сами испанцы обозначают его как Francisco Javier, что в некоторых русскоязычных трудах переведено как Франсиско Хавьер. Встречается и русский вариант XIX в. – Франциск Ксаверий, но традиционно употребляют французское произношение имени – Франциск Ксавье.

¹⁰ *Ortuño Sánchez-Pedreño J.M. La expedición de Ruy López de Villalobos a las Islas del Mar del Sur y de Poniente. Estudio histórico-jurídico*. – *Anales de Derecho de la Universidad de Murcia*, № 23, 2005, p. 290.

Трудно сказать, был ли знаком Ксавье с текстом реляции Альварадо, но известно, более или менее достоверно, что в декабре 1547 г. в Малакке он познакомился с двумя португальцами: моряком Жоржи Алварешем и путешественником Фернаном Мендешем Пинто, о чем последний упоминает в своей книге “Странствия”¹¹. В Малакке, пишет Мендеш Пинто, “мы нашли отца магистра Франциска Ксаверия, главного ректора ордена Иисуса в Индии, за несколько дней до этого прибывшего с Молуккских островов... Франциск Ксаверий провел с нами часть дня, жадно расспрашивая обо всем, что могло способствовать делу господина и прославлению его в этих краях, и получая от нас сведения обо всем том, что он хотел узнать”¹².

То ли описание Диасом японцев – находящихся на более высокой ступени развития, нежели коренное население Молуккских о-вов или Малабарского побережья, и похожих на китайцев, но не страдающих китайской ксенофобией, – то ли страстные рассказы Мендеша Пинто о неизведанных еще местах к северу от Островов пряностей убедили Ксавье в благоприятном исходе дела христианизации населения Японии, но именно он, миссионер, иезуит, стал следующим испанцем, ступившим на землю Японии.

Христианские миссионеры появились в Азии практически одновременно с португальскими конкистадорами. Идея обращения в христианство обитателей стран, находившихся под властью португальской короны, овладела мыслями короля Жуана III, убежденного в том, что туземцы только тогда станут добрыми подданными, когда начнут почитать римского папу. Узнав о создании ордена иезуитов и его целях, он решил воспользоваться этим для укрепления португальского влияния в завоеванных азиатских владениях и поручил своему посланнику в Риме просить у основателя ордена Игнатия Лойолы миссионеров для отправки их в Индию. Одним из них и был испанец наваррско-баскского происхождения Франциск Ксавье.

Жуан III наделил его немалыми полномочиями: Ксавье был назначен папским наместником в Индии; для обращения язычников он мог распоряжаться всеми силами, имевшимися у португальских властей в азиатских колониях – от мыса Доброй Надежды до Ганга; а португальские власти в Азии должны были всячески содействовать деятельности иезуита. Это подкреплялось папскими бреве, полученными у Павла III¹³.

В 1541 г. Ксавье из Лиссабона отплыл в Индию и оказался в Гоа 6 мая 1542 г. Три года он проповедовал в Индии и на Цейлоне. В 1545–1546 гг. он перебрался на Молуккские о-ва, где встретился с Вильялобосом и членами его экспедиции¹⁴. Там же в 1546 г. он познакомился с Косме де Торресом, испанским священником, вместе с которым в 1548 г. вернулся в Кочин. В Индии Торрес вступил в орден иезуитов. Вскоре первая группа иезуитов, куда входили Ксавье, Торрес и еще один испанец, Хуан Фернандес, а также три японца, принявшие крещение, один из которых – Ядзиро – служил Ксавье переводчиком, отправились в Японию¹⁵. 15 августа 1549 г. они высадились в порту Кагосима провинции Сацума¹⁶.

Там Ксавье провел около двух лет. Если Эскаланте де Альварадо получал сведения из вторых рук, то Франциск Ксавье уже мог составить собственное, довольно точное представление о Японии. Он описал ее в многочисленных письмах руководству ордена, а также братьям-иезуитам, оставшимся в Гоа.

Первое из писем было составлено 5 ноября 1549 г., т.е. почти через три месяца после того, как иезуиты высадились в Японию. С одной стороны, Ксавье уже пробыл в стране достаточно долго, чтобы суммировать первые впечатления о незнакомой стране,

¹¹ Boxer C.R. Op. cit., p. 36.

¹² См. Мендеш Пинто Ф. Странствия. М., 1972, с. 10.

¹³ Гризингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. Минск, 2004, с. 94–95.

¹⁴ Ortuño Sánchez-Pedreño J.-M. Op. cit., p. 249–292.

¹⁵ Fróis L. Historia de Japam, v. 1 – 4. Lisboa, 1976–1984; v. 1. 1549–1564, p. 18, n. 3. См. также: Boxer C.R. Op. cit., p. 36.

¹⁶ Fróis L. Op. cit., p. 18, n. 3.

но с другой – до октября 1550 г. он не покидал Кагосимы, и его письма составлены лишь на основе кагосимского периода пребывания в Японии.

Ксавье затрагивает различные стороны японской жизни, общественные традиции, особенности менталитета населения островов. Их образ жизни во многом восхищает автора. Он характеризует японцев как людей приятных в общении, в большинстве своем добрых и бесхитростных. Они вежливы, но при этом “не потерпят ни малейшей обиды, ни даже небрежно сказанного слова”. Их природная сдержанность и вежливость, считает Ксавье, во многом обусловлены тем, что они ценят оружие и полагаются на него. И дворяне, и простолюдины, отмечает он, “начиная с четырнадцатилетнего возраста всегда носят с собой мечи и кинжалы”¹⁷.

“Они общительны и тянутся к знаниям, – продолжал Ксавье. – Очень многие умеют читать и писать. Имеют только одну жену”. Японцы, по его наблюдениям, “умеренны в еде, в питии же чуть невоздержанны. Они пьют рисовое вино, потому как настоящего вина нет в этих краях”. В Японии “не убивают и не едят тех, кого выращивают. Иногда едят рыбу. Есть рис и пшеница, хотя и не много. Есть много трав, которыми они питаются, и фруктов”.

Ксавье долго и пространно рассуждает о сословности японского общества, обращая внимание на образ жизни японских самураев. Этот слой населения близок автору, который, будучи бедным испанским идалго, мог выбрать в жизни два пути – либо военную, либо церковную карьеру. Он выбрал второе, так же как и многие другие испанские идалго, составившие костяк конкистадоров и миссионеров и на долгие века обеспечившие Испании процветание и славу. Проблемы самураев Ксавье рассматривает сквозь призму своего собственного положения. “Бедность – как среди людей благородных, так и среди остальных, – не считается позором”, – пишет он и добавляет, что “люди знатного происхождения, какими бы бедными они ни были, чтимы простолюдинами так, как если бы они были очень богаты”. Он одобрительно относится к тому, что представители высших слоев общества женятся только на женщинах своего круга, так как считается, что связь с человеком из низшей касты ведет к потере чести.

В целом, подчеркивает автор, японцы – это “люди удивительной чести, которые ценят ее больше всего на свете”. И “честь для них значит больше, чем богатство... Люди, с которыми мы здесь говорили, лучше всех, открытых нами до сих пор. И мне кажется, что среди неверующих нет ни одного народа, обладающего преимуществами перед японцами”¹⁸.

Оптимизм Ксавье был обусловлен в большей степени силой его духа и настроем, а также и той ситуацией, которая сложилась в Японии, когда туда прибыли иезуиты. Япония второй половины XVI в. представляла собой государство, состоявшее из разрозненных удельных княжеств, управляемых крупными феодалами – даймё. Еще во времена монгольского нашествия, предпринятого в конце XIII в. Хубилаем, центральное правительство Японии тратило большие средства на укрепление юго-западных границ государства, которым угрожали монголы. Это усиливало местных князей как в экономическом, так и в военном отношении¹⁹. Со временем владетельные князья почувствовали себя достаточно сильными и могущественными, чтобы ощутить независимость от центра и не считаться с центральной властью. Даймё юго-запада старались обеспечить себе преимущественное положение и в торговых сделках с иностранными купцами, доставлявшими в Японию товары европейского и азиатского происхождения.

¹⁷ Это письмо было адресовано братьям-иезуитам в коллегию Святого Павла в Гоа. Там оригинал письма скопировали на случай возможной потери в пути и отправили в Европу. Впервые оно было опубликовано в 1565 г. в Коимбре (Португалия). См. *Ким Э.Г.* Недолгое свидание. Христианская миссия в Японии (1549–1614). – Книга японских обыкновений. Сост. А.Н. Мещеряков. М., 1999, с. 220.

¹⁸ Письмо Ксавье в штаб-квартиру ордена, Кагосима, 5 ноября 1549 г. см. Книга японских обыкновений, с. 236–237, 242.

¹⁹ *Искендеров А.А.* Тоётоми Хидэёси. М., 1984, с. 164.

Португальские купцы познакомили Японию с достижениями науки и военного искусства того времени, в том числе с порохом и огнестрельным оружием. Местные князья стремились завладеть этим оружием, что дало бы им огромное преимущество перед соседями и соперниками в борьбе за власть. Португальские суда привозили китайский шелк и другие ткани, ртуть, чугун, металлические изделия, различные лекарства, из которых только треть составляли товары европейского производства, в обмен на медь, золото, серебро, японские мечи и другие предметы. Они заходили в южные порты Японии с товарами из Гоа, Малакки, Лиаппо (Нинбо), имевшими большой спрос на японском рынке. Ранее посредническая торговля в регионе была сосредоточена в руках китайских купцов, но, спасаясь от нападений японских пиратов на города китайского побережья, императоры династии Мин под страхом смертной казни запретили любые коммерческие отношения с Японией. Португальцы стали посредниками в японо-китайской торговле²⁰.

Однако португальцы не знали ни японского языка, ни местных условий, ни обычаев, поэтому в расширении португальско-японской торговли немалую роль играли иезуиты, выступавшие и как посредники, и как переводчики, а в условиях военных действий указывавшие морякам, в какие порты им заходить небезопасно²¹.

Проповедь христианства миссионеры начали на о-ве Кюсю. Ксавье больше года пробыл в Кагосиме. Осенью 1550 г. он добрался до Хирадо, столицы провинции Хидзен на о-ве Кюсю. Дела там пошли хорошо, и за 20 дней он смог окрестить гораздо больше жителей, чем в Кагосиме за год. Тем не менее он не надеялся на значительный успех до тех пор, пока не обратит в христианство самого императора или не получит от него разрешения крестить его подданных. Поэтому, оставив в Хирадо Косме де Торреса, он отправился в столицу империи Киото в надежде на аудиенцию у императора. Однако получил отказ. Видя безуспешность своих стараний в Киото, Ксавье перебрался в Ямагути, небольшой город провинции Нагато на юго-западе о-ва Хонсю. Через четыре месяца число католиков здесь составило около 500 человек²². Новую религию приняли многие из самих даймё: Отомо Сорин из провинции Бунго, Арима Харунобу из провинции Хидзен. Покровителем христианства стал один из сёгунов – Асикага Ёситэру. При крещении даймё – главы влиятельной самурайской семьи – христианство принимали и все его вассалы, а во многих местах даймё насильно заставляли подданных обращаться в католичество²³.

Вскоре Ксавье узнал, что буддизм – религия японцев – перешел к ним из Китая. Он решил, что добьется скорейших успехов в Японии, если предварительно обратит в христианство китайцев, и в ноябре 1551 г. покинул Японию. Умер Ксавье 2 декабря 1552 г. на острове Сянган близ Кантона. В 1622 г. он был причислен к лику святых.

К моменту отъезда Ксавье из Японии число японцев, обращенных в христианство, составило около 2 тыс. человек, в частности, в Кагосиме – около 1 тыс., в Ямагути 500 – 600 человек, в Хирадо – 180, в провинции Бунго – 50 человек²⁴. Во главе иезуитской миссии Ксавье оставил своего ближайшего сподвижника падре Косме де Торреса.

В это время на политическую сцену Японии выходит Ода Нобунага (1565–1582 гг.). Нобунага был родом из провинции Овари на о-ве Хонсю. В 1559 г. он объединил земли Овари, а в 1567 г. завладел провинцией Мино. После убийства в 1565 г. сёгуна Ёситэру, покровителя христианства, Нобунага в 1568 г. захватил Киото и провозгласил новым сёгуном своего ставленника Асикагу Ёсиаки, превратившись, таким образом, в реального правителя страны. Он существенно ограничил полномочия сёгуна, и в дальнейшем это сильно осложнило их отношения.

²⁰ Boxer C.R. Op. cit., p. 7–8; Файнберг Э.Я. Начало экспансии европейских держав в Японии (1542–1640 гг.). – Ученые записки Института востоковедения, т. 23. [б.м.], 1959, с. 26; Попов К.М. Указ. соч., с. 110.

²¹ Искендеров А.А. Указ. соч., с. 166, 170.

²² Там же, с. 164–165.

²³ Там же, с. 166.

²⁴ Там же, с. 165.

В 1570 г. Нобунага начал поход на провинцию Этидзэн. Решив воспользоваться этим, Асикагу Ёсиаки направил тайные письма с призывом свергнуть Нобунагу главам родов Асакура, Адзай, Такэда, Мори и Миёси, а также буддийским монастырям Энряку-дзи и Исияма Хонган-дзи. Образовалась “антинобунагская коалиция”, которой фактически управлял Ёсиаки. Удачные действия Нобунаги привели к разгрому коалиции: в 1573 г. был низложен последний сёгун из династии Асикага и ликвидирован институт сёгунов, а Нобунага оказался уже не только фактическим, но и юридическим правителем Японии²⁵.

В результате действий “антинобунаговской коалиции” Нобунага стал последовательным противником буддизма и политических действий буддийского духовенства. Непримиимо жесткая позиция, занятая им в отношении буддийских монастырей, была продиктована той опасностью, которую они представляли, будучи противниками его планов объединения страны, боявшимися утраты своего независимого положения из-за укрепления сильной централизованной власти²⁶. Логически продолжая эту политику, Нобунага начал покровительствовать европейским миссионерам, рассматривая христианство как неожиданно открывшуюся возможность для ослабления влияния могущественных буддийских кругов. Католикам предоставлялись лучшие земельные участки для строительства храмов и монастырей. Нобунага способствовал организации двух семинарий, колледжа и более 250 церквей с двумя сотнями тысяч верующих. В борьбу Нобунага против буддийских бонз включились и те даймё, которые поддерживали его линию на объединение, и те, которые получили из его рук владения.

Успехам христианства в Японии предшествовала трудная и не всегда успешная работа миссионеров-иезуитов. За 20 лет, которые Торрес провел в Японии, возглавляя там христианскую миссию²⁷, иезуиты утвердились в половине государств, из которых состояла тогда Япония. Число обращенных ими японцев достигло 200 тыс. человек, не считая женщин и детей²⁸.

В отличие от Ксавье, чья деятельность была обусловлена по большей части пропагандистскими целями, Торрес ежедневно и ежечасно занимался рутинной работой обращения в христианство японских “язычников”. Португальский иезуит Луиш де Алмейда, познакомившийся с Торресом в 1553 г. и многие годы служивший с ним бок о бок, отмечал: “Я постоянно наблюдал, с каким усердием и деликатностью нес слово Божие этим людям падре Косме де Торрес; особенно он заботился о детях”²⁹.

Торрес, как и Ксавье, отправил ряд писем, в которых излагал цели и задачи миссионеров в Японии, а также результаты их деятельности. Как и Ксавье, вначале он сообщал самые общие сведения: “Япония имеет такой же климат и расположена на той же широте, что и Испания. Территория ее простирается на 600 лиг. Земля здесь крайне плодородная, дает два урожая в год... в мае собирают пшеницу, в сентябре – рис. Летом дожди здесь так же часты, как в Индии. Овощи и фрукты здесь в изобилии, много таких же, как в Испании. Много серебряных рудников”³⁰.

Подобно Ксавье, Торрес давал высокую оценку японской цивилизации и культуре. Он писал, что японцы гораздо более других народов “расположены к тому, чтобы воспринять святую веру в Иисуса Христа, они выдержаны и руководствуются разумом, они обладают неистребимой жадью к познанию, к спасению душ и служению Господу. Они мало сплетничают, не завистливы... В свободное время они упражняются

²⁵ Там же, с. 97–98.

²⁶ Там же, с. 171.

²⁷ Умер Торрес в 1570 г. в местечке Сики (совр. Рейхоку) на о-ве Амакуса.

²⁸ *Гризингер Т.* Указ. соч., с. 106.

²⁹ *Pacheco D.* El hombre que forjó a Nagasaki. Vida del P. Cosme de Torres. Madrid, 1973, p. 107–108.

³⁰ Cartas que los padres y hermanos de la Compañía de Jesus, que andan en los Reynos de Japon escriuieron a los de la misma Compañía, desde el año de mil y quinientos y quareta y nueue hasta el de mil y quinientos y setenta y uno. Alcala de Henares, 1575, p. 97v. – 98.

с оружием, в этом они крайне искусны, равно, как и в поэзии, и большинство мужчин практикуются в стихосложении. Если бы надо было описать все их достоинства, то мне не хватило бы места”³¹.

“Люди здесь очень воинственны, – продолжает Торрес, – и в вопросах чести похожи на древних римлян. Чести они поклоняются так же, как и своим идолам: из-за нее начинаются войны, из-за нее умирают люди. Они даже убивают себя сами, если считают, что ее потеряли. Честь обязывает их отказаться от греховных поступков: у них нет воровства, адюльтера; честь обязывает почитать родителей и сохранять верность друзьям”³².

Доля оптимизма или пессимизма в описании японцев зависела от результатов миссионерской деятельности. Изучивший черты характера японцев лучше, чем Ксавье, Торрес отмечал и их отрицательные стороны. Он писал, например, что японцы с презрением относятся к другим народам³³, что, имеющие острый ум, они “издеваются над всеми иностранцами, как словами, так и жестами, с целью унижить их, ибо, по их мнению, нет ни одного народа, который превзошел бы их в знаниях и в понятии чести”³⁴.

В то время когда падре Торрес проповедовал в Японии, в Испании на престол взошел новый король – Филипп II. Еще при жизни своего отца – императора Священной римской империи Карла V – молодой инфант приобрел немалый политический опыт: в отсутствие Карла ему было доверено управлять страной. В 1548–1551 гг. он совершил поездку по Европе, посетил Италию, Германию и Нидерланды, где познакомился со своими будущими подданными. После женитьбы на Марии Тюдор в 1554 г. он переселился в Лондон. В 1555–1556 гг. Филипп, будучи уже опытным государственным деятелем, после отречения Карла V получил в управление испанские королевства с океанскими владениями, большую часть Италии и Нидерланды. Унаследовавший множество разнородных владений, Филипп в отличие от Карла V рассматривал Испанию в качестве центра своего государства и старался усилить ее роль как мировой державы. Серьезной проблемой управления Испанской монархией были огромные расстояния. Это приводило к нехватке информации даже о собственно испанских территориях и их населении, не говоря уж о более отдаленных американских и азиатских владениях³⁵.

Как и его отец, Филипп II был глубоко религиозным человеком, и долг перед Господом определял важнейшие из его решений. Религиозное и политическое всегда составляли для него нерасторжимое единство. Он свято чтит заветы отца, который призывал содействовать политике католической церкви. Правитель самой могущественной державы Западной Европы, Филипп II поддерживал распространение католицизма – вплоть до наиболее отдаленных мест своих колониальных владений – и оказывал содействие монашеским орденам, в частности, недавно созданному Игнатием Лойолой ордену иезуитов. В Испании иезуитам покровительствовала вернувшаяся из Португалии сестра Филиппа II и мать вступившего на португальский престол в 1557 г. Себастьяна I Хуана Австрийская, которая защищала их от нападков доминиканцев³⁶.

С самого своего возникновения орден находился под особым патронажем португальской короны. Хотя центральный орган иезуитов располагался в Риме, иезуиты, управлявшие в Восточную и Юго-Восточную Азию, входили в ассистенцию Португалии³⁷. Если это были испанцы или итальянцы, то они изучали португальский язык,

³¹ Ibid., 48v.

³² Ibid., p. 97v. – 98.

³³ Ibid., p. 48v.

³⁴ Ibid., p. 49v.

³⁵ Подробнее см. История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. М., 2012, с. 465–470.

³⁶ Там же, с. 471–473.

³⁷ Учреждения общества – резиденции, миссии, коллегии, дома испытуемых (новициаты), дома действительных членов (профессов) – составляли так называемую провинцию, управляемую провинциалами. Из провинций составлялись ассистенции в рамках крупных государств – Франции, Италии, Португалии и т.д.

чтобы впоследствии общаться и писать на португальском. Все они отплывали из Лиссабона, останавливались в португальских владениях в Мозамбике и Гоа и далее добирались до Малакки, Макао или Японии. За время путешествия испанцы и итальянцы проникались истинно португальским духом. Свою корреспонденцию они направляли генералу ордена или ассистентам в Рим, братьям-иезуитам в Португалию либо тем же братьям, проповедовавшим в соседних азиатских владениях Португалии. Ни один из испанских иезуитов, проповедовавших в португальских владениях, не докладывал о своих достижениях испанскому королю. Это принципиально отличало их положение в Азии от иезуитов, находившихся на Филиппинах, и представителей других духовных орденов – францисканцев, доминиканцев и августинцев, которые направляли свои донесения Филиппу II. Последние, представители нищенствующих орденов, отправлялись в Азию из Севильи, и путь их лежал не через португальские владения, а через Мексику и Филиппины³⁸.

Появлению в Японии представителей нищенствующих орденов способствовало некоторое ослабление там влияния иезуитов. Во многом это произошло из-за того, что после смерти Торреса в 1570 г. главой миссии был назначен падре Франсиско Кабрал (1570–1580 гг.), начавший действовать сообразно принципам, на которые опиралась традиционная колониальная политика, проводившаяся миссионерами в Америке в Индии. Со временем в Японии стало накапливаться недовольство политикой иезуитов и даже самим их присутствием.

Первыми из нищенствующих орденов в Японии появились монахи-августинцы. В 1565 г. в составе экспедиции под командованием Мигеля Лопеса де Легаспи пять августинцев – Андрес де Урданета, до принятия монашеского сана мореход, знакомый с водами Тихого океана, Андрес де Агирре, Диего де Эррера, астролог Мартин де Эррада и Педро де Гамбоа – прибыли на Филиппины и начали там миссионерскую деятельность³⁹. Легаспи развернул необычайную активность. В 1567 г. он написал Филиппу II, что планирует постройку шести галер с целью “добраться до берегов Китая”⁴⁰. Однако прошло восемь лет, прежде чем испанцам представилась возможность оказаться в Китае. В 1575 г. китайцы прибыли на Филиппины за захваченным испанцами пиратом Линг Фенгом и в благодарность на обратном пути доставили на своем корабле в Китай испанское посольство, которое высадили в провинции Фухиань. В состав посольства входили августинцы Мартин де Рада и Херонимо Марин, военные Мигель де Луарка и Педро Сармьенто. Это были первые испанцы, очутившиеся в Китае⁴¹.

Рада и Луарка оставили обстоятельные записки о своем путешествии в Китай⁴². В “Истории Китая”, составленной Луаркой, встречаются сведения и о Японии. На основании текста Луарки в 1585 г. вышла “История Китая”, написанная испанским августинцем Хуаном Гонсалесом де Мендосой, которого Филипп II в 1580 г. отправил в Китай. Мнения ученых насчет того, был Мендоса в Китае или нет, расходятся, но все они едины в том, что данные Мендосы о Японии представляют цельную и систематизированную историю страны. Во многом он повторяет уже ставшие известными по письмам

³⁸ *Alonso Romo E.J.* Pedro Morejón: vida, obra e itinerario transoceánico de un jesuita castellano. – *Los jesuitas: religión, política y educación (siglos XVI–XVIII)*, v. 3. Madrid, 2012, p. 1571.

³⁹ *Castro A.M. de.* Misioneros agustinos en el Extremo Oriente, 1565–1780. (Osario venerable). Madrid, 1954, p. 99–100.

⁴⁰ Miguel López de Legazpi a Felipe II el 23 de julio de 1567. – *Hernández Hortigüela J.* Felipe II y la conquista política, militar y espiritual de China. *Revista Filipina*, t. XIII, № 3, otoño 2009. <http://www.revista.carayanpress.com/conquista.html>

⁴¹ *Vilà L.* La Historia del Gran Reino de la China de Juan González de Mendoza. Hacia un estudio de las crónicas de Oriente en la España del Siglo de Oro. – *Boletín Hispánico Helvético*, № 21, 2013, p. 76.

⁴² *Rada M. de.* La Relación verdadera de las cosas del Reyno de Taibin, por otro nombre China, y del viaje que a él hizo el muy Reverendo padre fray Martín de Rada; *Loarca M. de.* La Relación del viaje que hecimos a la China desde la ciudad de Manila en las del poniente. Luarca, 2002.

иезуитов факты, тем не менее их стоит привести, поскольку они отражают специфику европейского восприятия Японии.

“Японские острова (их много, и все они объединены в одно государство, разделенное между различными правителями) находятся на расстоянии 300 лиг от Китая, – начинается повествование Мендоса. – ...Они включают в себя 76 королевств, или провинций, во главе каждого стоят короли или, лучше сказать, правители. Но хотя их называют королями, они таковыми не являются – ни по отношению к ним, ни по богатству, которого у них мало... Острова эти плотно заселены, проживающие там люди по лицу и сложению мало отличаются от китайцев. И похоже на правду (как об этом пишут в истории китайского государства), что японцы раньше были китайцами и перебрались на эти острова из Китая. В древние времена японцы были подданными китайского государства, а сейчас – уже нет. Более того, они часто насмеваются над китайцами”⁴³.

Интересны рассуждения Мендосы о положении женщин. “Японские женщины, – пишет он, – живут затворницами и крайне редко выходят из дома, в чем похожи на китайянок. В каждом доме их живет несколько, поскольку их законы позволяют иметь столько жен, сколько возможно содержать, и они столь благоразумны, что сосуществуют друг с другом мирно”⁴⁴.

Никогда не бывавший в Японии Мендоса пересказывает чужие наблюдения, и иногда искаженно. Так, он пишет о воинственности японцев и указывает, что они “расположены к грабежам и войнам, для них это обычная практика. Поэтому у них никогда не прекращаются и гражданские войны... Это, а также их постоянные упражнения в военном деле и грабежах создают им репутацию воинственных людей, которые держат в страхе соседей”⁴⁵.

В завершение он дает оценку успехам христианизации и приходит к весьма важному для него и его собратьев по ордену выводу: “При всем том благодаря правильному учению и примеру святых отцов они (японцы. – *О.В.*) стали лучшими христианами, чем индейцы Восточных Индий. Но остались еще многие, кого не успели окрестить из-за нехватки миссионеров, и это можно исправить, отправив туда духовных лиц, принадлежащих другим духовным орденам, чтобы они могли помочь отцам-иезуитам”⁴⁶.

Последнее замечание о монахах других орденов оказалось тем зерном, которое упало на подготовленную почву. В 1580 г. Испания аннексировала Португалию. После смерти португальского короля Себастьяна I встал вопрос о португальском наследстве. Себастьяну наследовал его двоюродный дед, кардинал Энрике. Когда в начале 1580 г. кардинал умер, Филипп II, являвшийся внуком короля Мануэла, заявил о своих претензиях на трон и ввел в Португалию войска под командованием герцога Альбы. Португальские кортесы официально признали Филиппа королем, и испанская монархия превратилась в крупнейшую державу, какую только к тому времени знала история⁴⁷.

Присоединив богатейшие португальские владения, Филипп не стал форсировать там унификацию управления по кастильскому образцу. Испанцы не вмешивались в дела Португалии и ее колоний. В начале XVII в. один голландец как-то язвительно заметил, что испанский король (это был уже Филипп III, но это не меняло дела) относился к испанским владениям “с исключительной ревностью, как к законной жене”, а к португальским – как к своей содержанке⁴⁸. Тем не менее вопрос об усилении собственного идеологического влияния в Азии давно занимал мысли Филиппа II.

Невероятные богатства Португалии, владевшей азиатскими территориями, не давали покоя всем европейским монархам. Однако военное и морское господство, торговая монополия и католическая пропаганда португальцев в регионе Индийского океана не

⁴³ *González de Mendoza J. Historia del Gran Reino de la China. Roma, 1585, p. 333, 334v.*

⁴⁴ *Ibid.*, p. 337v. – 338.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 336–336v.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 337.

⁴⁷ История Испании, т. 1, с. 484–485.

⁴⁸ *Lynch J. Spain under Habsburgs. V. 2. Spain and America, 1598–1700. Oxford, 1981, p. 65.*

оставляли им ни малейшей надежды проникнуть туда. Первым попытку “подвинуть” Португалию в ее крайне успешном бизнесе предпринял Филипп II. Путь к испанскому господству в Восточной и Юго-Восточной Азии должны были проложить босоногие миссионеры.

27 октября 1583 г. Филипп II направил августинцам, закрепившимся на Филиппинах, письмо, в котором выражал пожелание, чтобы они, помимо этого архипелага, исследовали и другие близлежащие земли⁴⁹. В мае 1584 г. на Филиппины прибыл новый губернатор Сантьяго де Вера. А уже в июле в соответствии с указаниями испанского короля два августинца и два францисканца отправились из Манилы на португальском корабле, занимавшемся торговлей с Макао, для исследования новых земель. Целью этой миссионерской экспедиции являлись мирное внедрение и упрочение в Китае влияния августинцев и францисканцев, находившихся под покровительством Испании⁵⁰.

В течение всего путешествия море штормило, и корабль с испанскими миссионерами сумел причалить только в юго-западной части Японии, в г. Хирадо. Два месяца испанские миссионеры провели в Японии, не имея возможности отплыть в Макао⁵¹. Однако вынужденное пребывание в Японии оказалось крайне полезным для информирования испанского монарха о положении на этих далеких и малоизвестных островах. Здесь, в Хирадо, испанцы смогли воочию убедиться в успехах распространения христианства, а это предоставляло небывалые возможности для дальнейшей евангелизации населения.

Уже из Макао они направили Филиппу II ряд писем, повествующих о богатствах Японии, перспективах там миссионерской деятельности и о возможности добираться до этой страны из Новой Испании через Филиппины, минуя португальские морские пути⁵².

Так, в письме, адресованном Филиппу II, от 1 марта 1588 г. приор и главный викарий августинцев на Филиппинах Франсиско Манрике писал: “Завершив в июле 1584 г. свои дела здесь (на Филиппинах. — *О.В.*), мы с моим коллегой отправились в путь, чтобы реализовать ту задачу, которую Вы перед нами поставили”. За два вынужденных месяца пребывания в Хирадо, сообщал Манрике, он “постарался понять, что собой представляет эта земля и что на ней происходит”. Япония, по его словам, превосходит размерами Испанию, а находится примерно на той же широте. Страна состоит из 15 королевств, одно из них возглавляет император, и это признают все остальные. Четыре правителя уже исповедуют христианство, “но пока еще не все, поскольку некому в этом вопросе навести порядок”. Последний тезис Манрике далее охотно развивает. На его взгляд, этот порядок смогут навести представители нищенствующих орденов. “И многие нас об этом просили”, — добавляет он. Японцы, считает августинец, готовы стать христианами, если найдется кто-нибудь, кто займется их обращением. Необходимы будут две дюжины монахов, пишет он, а “иначе мы не добьемся никакого результата в этих землях”.

Манрике отмечает, что иезуитами японцы недовольны, поскольку те плохо с ними обращаются. Кроме того, иезуиты способствовали тому, чтобы португальцы перенесли прибытие кораблей с товарами в порт Нагасаки, тем самым задев торговые интересы даймё Хирадо Омурё Ёсиаки. Манрике несколько раз беседовал с ним и его отцом Омурой Сумитадой, и они оба выразили пожелание, чтобы августинцы и францисканцы заменили в их землях иезуитов. Самому же Манрике, если он решит остаться в Хирадо, они обещали оказывать всяческое содействие, построить монастырь и подарить деревню с крестьянами. Омурё Ёсиаки даже собирался отправить посольство к губернатору

⁴⁹ На это письмо ссылается Ф. Манрике в жалобе Филиппу II от 1 марта 1588 г. См. Carta a S.M. de Fr. Francisco Manrique, OSA., Prior del convento agustiniano de Macao, haciendo relación del Reino del Japón, de su viaje a China y de lo mal recibido que fue de los portugueses y jesuitas. — <http://www.upf.edu/asia/proyectos/che/s16/manr1588.htm>.

⁵⁰ *Sola E.* Historia de un desencuentro: España y Japón, 1580–1614. Madrid, 1999, p. 25.

⁵¹ Carta a S. M. de Fr. Francisco Manrique.

⁵² *Sola E.* Op. cit., p. 26.

Филиппин и представителям там августинского ордена, чтобы известить их об этом своем решении⁵³.

Надо заметить, что недолгое пребывание августинцев в Японии принесло быстрые результаты. В конце 1585 г. от Омуры Ёсиаки к губернатору Филиппин Сантьяго де Вере прибыло посольство. От имени даймё послы просили, чтобы испанская сторона направила монахов августинцев и францисканцев для проповеди христианства на землях Хирадо⁵⁴.

За активной деятельностью испанских монахов внимательно следили те, кто уже прочно осел в этих землях: португальские купцы и иезуиты. Они не только с подозрением отнеслись к прибытию потенциальных соперников, но и постарались воспрепятствовать их деятельности. В 1579 г. в Японию приехал генерал-викарий ордена иезуитов Алессандро Валиньяно. Он пробыл в стране чуть более двух лет и по возвращении в Макао написал в 1583 г. работу “Краткое изложение положения в Японии”. Обратим внимание, что, хотя ни один из монахов нищенствующих орденов еще не успел добраться до Японии, Валиньяно уже вставил в эту работу отдельную главу, называвшуюся “Почему представителям других религиозных орденов не следует приезжать в Японию”. Его активность по предотвращению появления конкурентов в стране Восходящего Солнца отразилась и в письмах, направленных в Рим генералу ордена иезуитов. Валиньяно просил его истребовать у папы специальное бреве, которым всем, кроме иезуитов, запрещалось бы проповедовать в Японии. Это бреве, по мнению автора письма, следует опубликовать в Макао и Лусоне для информирования желающих отправиться в Японию, а также для местных властей, которые должны будут запретить подобные поездки⁵⁵.

Иезуиты обладали неограниченным влиянием на папу Григория XIII, и 28 февраля 1583 г. он издал бреве, которое позже подтвердил следующий папа, Сикст V. Согласно этому предписанию, никто, кроме иезуитов, не имел права заниматься миссионерской деятельностью в Японии. Филипп II, подтверждая свою официальную позицию на разграничение владений двух частей его дуалистической монархии, направил распоряжения подобного характера колониальным властям в Португальской Индии. 12 апреля 1586 г., получив папское бреве в Гоа, вице-король Индии Дуарте де Менезес запретил появляться в Китае и Японии кому-либо из миссионеров, кроме иезуитов, разрешив депортировать всех, кто будет там обнаружен, в Макао⁵⁶.

Испанские миссионеры не собирались подчиняться папским запретам. Они не оставляли попыток очутиться в Японии. Правда, Манрике и францисканец Мартин Игнасио Лойола в письме от 6 июля 1587 г. жаловались Филиппу II, что “ни один из португальских капитанов не осмеливается взять нас на борт”⁵⁷. Миссионеры просили короля позволить им проповедовать в азиатских землях и обязать чиновников португальской администрации и иезуитов не чинить им препон. Отцы-иезуиты, писали они, “убеждают здесь всех, что, если прибудут другие (миссионеры. — *О.В.*), то это нанесет вред христианству; они демонстрируют папское бреве, согласно которому никто не имеет права находиться в Японии, даже епископ для осуществления своей деятельности... У нас также есть бреве, имеющие гораздо больший вес, но на них никто не желает даже взглянуть... из-за того, что мы — кастильцы”⁵⁸.

Испанский двор предпринял некоторые меры для разрешения данной ситуации. Так, в Архиве Индий в Севилье сохранилась записка, направленная 4 июля 1587 г. в Совет по делам Индий. В ней среди прочего предписывалось издать указ, который разрешал бы миссионерам добираться до Японии и других азиатских государств через Филип-

⁵³ Carta a S.M. de Fr. Francisco Manrique.

⁵⁴ *Sola E.* Op. cit., p. 27–28.

⁵⁵ *Boxer C.R.* Op. cit., p. 156–159.

⁵⁶ *Ibid.*, 159–160; *Sola E.* Op. cit., p. 29.

⁵⁷ *Sola E.* Op. cit., p. 29.

⁵⁸ *Ibidem.*

пины, а также высказывалась необходимость просить папу отменить бреве, выданное иезуитам⁵⁹.

Усложнение положения миссионеров в Японии и трудности миссионерской деятельности в 1580-е годы были обусловлены не только позицией Рима – в гораздо большей степени на это повлияло изменение политики японских властей.

29 мая 1582 г. от руки своего ближайшего сподвижника, генерала Акэти Мицухиде погиб Ода Нобунага. Его преемник генерал Тоётоми Хидэёси (1582–1598 гг.) на первых порах открыто не выступал против христианства. Некоторые его приближенные были христианами и занимали высокие ступени в иезуитской иерархии. Сам он не раз благосклонно принимал у себя иезуитов высокого ранга. На нескольких знаменах сёгуна даже красовался христианский крест⁶⁰. Продолжая проводить линию Нобунаги, он, однако, стал все более негативно относиться к миссионерской деятельности европейцев, укреплявших и расширявших свои позиции в Японии. По данным Валиньяно, в начале 1580-х годов в Японии было уже 150 тыс. христиан, 200 церковных храмов и две семинарии. После захвата Кюсю в 1587 г., когда Хидэёси лично убедился в том, насколько велико влияние иезуитов в среде местных даймё, он начал опасаться, как бы христианство не стало основой союза, направленного против него⁶¹. 19 июня 1587 г. был принят указ о запрещении миссионерской деятельности и изгнании миссионеров из Японии, но в дальнейшем Хидэёси не предпринял никаких серьезных шагов для контроля за выполнением этого указа, и деятельность миссионеров в Японии даже расширилась за счет прибытия монахов нищенствующих орденов – августинцев и францисканцев.

Сменивший в 1590 г. Себастьяна де Веру новый испанский губернатор на Филиппинах Гомес Перес Дасмариньяс принял в 1591 г. эмиссара от Хидэёси, который привез письмо угрожающего содержания. “Признайте мое господство, – говорилось там, – а если Вы не придёте оказать мне почести и не предстанете перед моими очами, я отправлю свою армию, чтобы Вас уничтожить и опустошить Вашу землю”⁶². Как считает Ч. Боксер, на самом деле Хидэёси был заинтересован в налаживании торговли с испанскими Филиппинами, и с этой целью готов был даже допустить в страну испанских миссионеров⁶³.

Для того чтобы выяснить причины столь сурового послания японского сёгуна, а также наладить отношения с японцами и таким образом избежать их нападения на Филиппины, Перес отправил к Хидэёси посольство. В него вошли доминиканский монах Хуан Кобо, капитан Лопе де Льяно и два китайца-христианина в качестве переводчиков. В июне 1592 г. посольство прибыло в провинцию Сацума. Переговоры прошли успешно. Кобо даже сумел договориться о возобновлении проповеди евангелия в Японии. Но на обратном пути его корабль штормом прибило к Формозе, он был убит там, и сведения о результатах его миссии так и не дошли до испанского губернатора⁶⁴.

Хидэёси, в свою очередь, не получив от испанцев никакого ответа, направил к ним еще одного эмиссара. Перес Дасмариньяс, понимая, что испанские владения окажутся абсолютно беззащитными в случае нападения японцев, послал в Японию вторую миссию. 26 мая 1593 г. испанское посольство, которое возглавил монах-францисканец Педро де Баутиста и состоявшее из четырех человек, разделилось и поплыло из Филиппин в

⁵⁹ Эту записку обнаружил в архиве А. Сола. – *Sola E. Op. cit.*, p. 30.

⁶⁰ *Скворцова Е.Л.* “Христианский век” в Японии. К проблеме взаимодействия национальных культур. – Человек и мир в японской культуре. М., 1985, с. 122.

⁶¹ *Искендеров А.А.* Указ. соч., с. 201–202, 205–206; *Гришелева Л.Д.* Формирование японской национальной культуры конец XVI начало XX века М., 1986, с. 26; *Скворцова Е.Л.* Указ. соч., с. 122.

⁶² *Ribadeneira P.M. de.* Historia de las islas del archipiélago filipino y reinos de la gran China, Tartaria, Cochinchina, Malaca, Siam, Cambodge y Japón. Madrid, 1947, p. 357–358.

⁶³ *Boxer C.R. Op. cit.*, p. 160–161.

⁶⁴ *Sánchez C.* Viaje y estancia de San Pedro Bautista en Japón, en Santuario. Arenas de San Pedro (Ávila), 1997, p. 21–22, n. 113.

Японию на двух кораблях. Путешествие оказалось долгим и опасным: во время шторма корабли потеряли друг друга из вида и чуть не пошли ко дну. Только на 39-й день пути, 4 июля 1593 г., корабль, на котором находился Баутиста, причалил в порту Хирадо. Второй корабль бросил якорь в г. Амакуса, южнее Нагасаки⁶⁵.

В последних числах сентября 1594 г., когда переговоры с Хидэёси уже подходили к концу, в Хирадо из Манилы прибыла еще одна группа францисканцев, куда входили Агустин Родригес, Марсело Рибаденейра и Херонимо де Кастро⁶⁶. Делегация была дружелюбно принята Хидэёси, посланникам разрешили поселиться в Киото, но пояснили, что подобное гостеприимство японцы вызывают им как послам иностранной державы, а не как религиозным проповедникам.

Марсело Рибаденейра остался в Японии и проповедовал в Киото, Осаке и Нагасаки. Францисканцы открыли несколько монастырей, школ, больниц. Успехи их миссионерской деятельности объяснялись тем, что они вели свою пропаганду в основном среди низших слоев населения, в то время как иезуиты стремились обратить в “истинную веру” прежде всего даймё и представителей японской аристократии. Однако “мирное сосуществование” Хидэёси с христианами закончилось через два года. Поводом стал инцидент с испанским галеоном “Сан Фелипе”.

19 октября 1596 г. “Сан Фелипе”, направлявшийся из Манилы в Акапулько с грузом, оцененным в более чем 1,5 млн серебряных песо, из-за сильнейшего шторма сбился с курса и потерпел крушение у деревни Тоса на о-ве Сикоку. Испанцам с трудом удалось спасти людей и вытащить груз на берег. Самураи Сикоку конфисковали груз – согласно японским обычаям он переходил в собственность императора. Испанцы направили делегацию с жалобой к Хидэёси. Заинтересованный в торговле с испанцами, он принял их радушно, но так как в то время, по утверждению ряда исследователей, сильно нуждался в деньгах, которые высасывала война с Кореей, несколько дней колебался, обещая вернуть товары⁶⁷.

Конфликт мог бы быть улажен мирно, если бы не штурман корабля Франсиско де Оландия. По-видимому, желая произвести впечатление на Хидэёси, он в довольно бесцеремонной манере заявил в разговоре с сёгуном, что деятельность миссионеров в дальних странах во многом облегчает испанцам осуществление колониальных завоеваний. Это было не так уж далеко от истины, но заявление штурмана произвело на Хидэёси неожиданно сильное впечатление, совпав с тем, о чем ему неоднократно говорили японские бонзы. Если раньше он не придавал никакого значения их предупреждениям, то теперь насторожился⁶⁸. Доподлинно не известно, повлиял ли этот эпизод на возобновление антихристианского курса, но дальнейшие действия Хидэёси оказались очень жесткими.

9 декабря 1596 г. шесть испанских монахов-францисканцев и трое португальских иезуитов были арестованы в Киото и подвергнуты пыткам. Хидэёси потребовал от миссионеров выдачи властям и христиан-японцев. Через некоторое время их всех – 26 человек – вывели из города. Измученные пытками, они должны были пройти пешком сотни километров до Нагасаки. 5 февраля 1597 г. их распяли в Нагасаки на крестах. Город был выбран не случайно. В то время там было больше иностранцев – миссионеров и торговцев, а в бухте – торговых кораблей, чем в какой-либо другой точке Кюсю. Благодаря деятельности миссионеров Нагасаки производил впечатление “почти португальского города”, “города, который стал как бы иностранным владением”⁶⁹.

Жестокость, с которой Хидэёси обошелся с христианами, должна была показать серьезность его намерений в деле полного запрета христианской религии. 19 июня 1597 г. он издал указ, строго запрещающий христианство в Японии. Воспрещалась не только проповедь христианства, но и любая деятельность иностранных миссий. В тече-

⁶⁵ Ibid., p. 22–24.

⁶⁶ Ibid., p. 24–25.

⁶⁷ Boxer C.R. Op. cit., p. 164–165.

⁶⁸ Ibid., p. 166.

⁶⁹ Навлицкая Г.Б. Нагасаки. М., 1979, с. 30, 34.

ние 20 дней католические миссионеры должны были покинуть страну. Представители японских властей начали разрушать церкви. Даймё запрещалось креститься под страхом смерти, а также укрывать миссионеров. Более 80 миссионеров были арестованы и казнены⁷⁰.

Падре Рибаденейра стал свидетелем мученических смертей в Нагасаки. 21 марта 1597 г. он отплыл из Нагасаки в Макао, в январе 1598 г. добрался до Манилы и там изложил свои впечатления и размышления в книге под названием “История островов Филиппинского архипелага и королевств Великого Китая, Тартарии, Кохинхины, Малакки, Сиамы, Камбоджи и Японии”. Собственно Японии в этом солидном труде уделено всего лишь несколько страниц, но по сравнению с описаниями Японии в письмах миссионеров, эти страницы отличаются глубиной и системностью.

По традиции Рибаденейра начинает свой рассказ с особенностей географического положения страны. Королевство Япония, пишет он, состоит из множества островов, оно находится в двухстах милях к северу от Великого Китая и располагается примерно на широте в 34° северной широты. Лето здесь так же сменяет зиму, но зимой дуют пронизывающие ветры. Местность гористая, покрытая густыми лесами. Равнины крайне плодородны, там выращивают рис – основной продукт питания этого государства⁷¹.

Если географические и бытовые особенности давали европейцам общее представление об этой стране, то сведения о ее государственном строе имели важнейшее значение для выстраивания линии межгосударственных отношений. “В Японии с самого ее начала всегда был только один государь, который ведет свое происхождение от бога Во, или Дайри, – сообщал Рибаденейра. – И, поскольку японцы не имеют права ни лицеизать своего государя, ни общаться с ним, он всегда находится внутри своих дворцов, куда ему привозят всевозможные дары. Для того чтобы управлять своим государством, ему нужны были капитаны (*capitanes*. – *О.В.*), земли которых становились все более независимыми. В результате государство было разделено на 66 королевств, хотя их владельцы не являются королями в полном смысле слова. К ним и не относятся, как к таковым. На японском языке их называют “тоно”, что означает “сеньор”. Между собой они обычно находятся в состоянии войны, и тот, кто побеждает, тот и властвует. Его называют “государь”, редко вспоминая о наличии своего божественного государя... За последние годы именно таким образом поднялся Тайкосма⁷², подчинив своей власти остальных владельцев”⁷³.

Рибаденейра приводит еще много фактов из жизни японского общества – об особенностях религии, о пристрастии к оружию, питании, отношении к своему здоровью. Многие из его повествования повторяют сведения, которые приводили иезуиты и августинцы, – автор был знаком с их работами. Многие же были увидены собственными глазами, но все равно являлось впечатлениями носителя европейского менталитета.

Для миссионеров Япония представлялась страной абсолютно незнакомой экзотической культуры. При этом ее экзотичность вызывала у них интерес и восхищение, что являло собой тот редкий случай, когда “чужое” не отторгается, не воспринимается враждебно или недоверчиво.

Прошло чуть больше года со времени казни христиан в Нагасаки. 13 сентября 1598 г. в Эскориале умер испанский король Филипп II, а через 5 дней, 18 сентября 1598 г., на другом конце земли, в замке Фусими скончался Тоётоми Хидэёси. Завершилось правление двух великих государей второй половины XVI в. Закончился и период установления первых контактов двух стран, осуществлявшихся посредством испанских христианских миссий.

⁷⁰ По данным иезуитов их было около 150. – *Навлицкая Г.Б.* Указ. соч., с. 34.

⁷¹ *Ribadeneira P.M. de.* Op. cit., p. 350.

⁷² В 1591 г. император пожаловал Тоётоми Хидэёси высший придворный титул – тайко, который, как правило, присваивался отцу главного советника императора или главному советнику. – *Gil Fernández J.* Op. cit., p. 36.

⁷³ *Ribadeneira P.M. de.* Op. cit., p. 351.